

Александр Олейник

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ДЭВИДА

Печаль накрывала волной, била наотмашь ладонью, вгрызалась в душу, словно взбесившаяся собака в человеческую плоть – намеренно, с явным желанием разорвать тебя на части... Поскольку ей было все равно, кто ты. Ты ее раздражал, а значит, должен умереть. И ты умрешь. Обязательно. Поскольку не сможешь убежать, спрятаться. Твое тело парализует страх, который ты почувствуешь, когда собака набросится на тебя, рыча и разбрызгивая во все стороны пену, пузырящуюся в уголках ее рта...

... Эмми любила ее. Любила, когда в ванне много пены. Она игралась с ней, дула на нее, а очень часто разговаривала с ней, видимо, воображая, что комок этой воздушной субстанции на ее ладони, не кто иной, как герой какого-нибудь мультфильма, как, например, Скрудж МакДак. Бывало, она говорила:

- Ты самый богатый селезень во всем мире, Скруджик.

... Сенбернар отгрыз ей правую руку. До локтя. А на левой – ладонь. Как, должно быть, она кричала... Эта псина для нее была самым настоящим монстром. Монстром, с длинными руками и скрюченными когтями. Острыми когтями. Этот монстр был ее ночным кошмаром...

... Дэвид думал, что это ему просто снится. В какой-то мере так оно и было. Ему снилось, что кто-то кричит. Кто-то, угодивший в глубокую темную яму...

Эмми?

Он не знал.

Потом сон перешел в реальность. Дэвид это даже почувствовал. Он ощутил на себе ее тревожное прикосновение.

- Дэвид, проснись. – Кэти дотронулась до его плеча. – Дэвид!

Он вскочил с кровати. Кэти включила лампу.

- Эмми кричала, - сказала она.

- Да, я слышал, - ответил он, хотя наверняка сказать не мог: был ли это только сон, или, может, он действительно слышал крик дочери наяву?

Мгновение, и Дэвид был уже в комнате Эмми. Она сидела в кровати, обхватив колени руками, и зажмурил глаза. Рядом, на тумбочке, горела лампа. Дэвид сел на кровати рядом с Эмми и взял ее за плечи. Его сердце сжалось в комок, когда от его прикосновения она вздрогнула.

- Папа, папа, - Эмми обхватила отца за шею, крепко прижалась к его теплому телу. Она дрожала.

- Тебе опять приснился плохой сон? (Дэвид никогда не употреблял слово «кошмар». Эмми боялась этого слова).

Она начала говорить, глотая слезы:

- Я очень испугалась. Было так страшно. Он почти догнал меня, папа. Почти догнал.

Дэвид гладил ее по волосам и смотрел на жену, которая стояла в дверном проеме, наблюдая за тем, как ее муж успокаивает дочь.

- Все хорошо, Эмми, - говорил Дэвид. – Я с тобой, любимая. – Он поцеловал ее в макушку. – И всегда буду с тобой...

... Грусть сжимала горло, червем выедала душу, оставляя вместо нее вечную пустоту.

Его не было рядом, когда это случилось. Никого не было. Только она и это взбесившееся чудовище. А ведь он обещал... Конечно, тогда он и подумать не мог, что подобное может случиться с Эмми. Тогда он просто успокаивал ее любимыми доступными

способами. Главное, чтобы она успокоилась и смогла заснуть снова. Больше его не заботило ничто.

Теперь же Эмми будет спать вечно.

От этой мысли Дэвида передернуло. Он отправил в барабан револьвера еще один патрон.

Дэвид сидел на стуле, сгорбившись над письменным столом. Было уже далеко за полночь, но заснуть он никак не мог. Да и вообще после смерти Эмми, сон для него превратился в настоящую пытку. Как только он закрывал глаза, то сразу же перед ним возникала следующая картина: Эмми играет в доме со своими куклами. Потом это ей надоедает, и она выходит на улицу. И в этот момент соседский сенбернар набрасывается на нее и, буквально, разрывает на части.

Сердце Дэвида сжалось от боли. У собаки было бешенство. Вот только, где она могла заразиться им?

Может, и ее укусила летучая мышь? Подумал Дэвид, отправляя в барабан еще один (уже 4-й по счету) патрон. Как в той книжке, которую он читал еще подростком. Куджо. Кажется, так она называется.

Это было совершенно неважно. Теперь все потеряло смысл. У него больше нет дочери. Нет Эмми.

Дэвид услышал, как застонала Кэти, его жена. Она спала на кровати в их спальне, что находилась рядом, через стену, с кабинетом Дэвида, в котором он сейчас сидит на стуле, сгорбившись над письменным столом, заряжая свой револьвер 44-го калибра.

Кэти принимала снотворное. Бедная, бедная женщина...

Дэвид наконец разогнулся, откинулся на спинку стула, прижав к груди уже заряженный пистолет (лет пять назад он вот так прижимал к груди малышку Эмми, когда та не могла заснуть...он качал ее).

Сейчас Дэвид пойдет к соседям и сделает то, что должен был сделать уже давно. Пусть и они почувствуют боль утраты. На собственной шкуре узнают, что значит потерять ребенка. Им нужно было получше следить за своим псом. Не позволять ему бегать, где не попадя. Неужели им было не понять, что такая собака должна находиться в вольере, а не разгуливать по улицам?

Чувства грусти и одиночества у Дэвида стали замещаться одним чувством – гневом. Ведь если бы они лучше следили за своей зверюгой, ничего бы не случилось. И Эмми была бы жива. Все пошло наперекосяк. Все потеряло смысл. Почему это они сейчас должны спать спокойно и безмятежно, а он – нет?

Дэвид вышел на улицу. Луна встретила его своим злобным оскалом. Почему-то он вспомнил похороны Эмми...

... В этот момент Кэти раскрыла глаза. Но только на мгновение. В темноте, где-то под потолком, она увидела лицо Эмми. Кэти снова уснула...

...Дэвид знал, что убив сына Патрика и Кэролайн, у него возникнут ну ОЧЕНЬ БОЛЬШИЕ проблемы с законом. Но его это несколько не интересовало. Они должны почувствовать то, что почувствовали они с Кэти, когда, придя домой, узнали, что их шестилетняя дочь Эмили мертва. ЕЕ загрызла собака. Их собака...

...В этот раз Кэти услышала голос:

- Папа хочет сделать Робину больно, - голос Эмми.

Она раскрыла глаза: неужели это побочное действие снотворного?

- Скорее мама! Папа хочет сделать Робину больно! – Лицо Эмми на мгновение вспыхнуло каким-то призрачным светом и Кэти, посмотрев в потолок, увидела его очень четко и отчетливо... Вот только...

- Господи Боже... - выдохнула Кэти, подавив в себе крик...

...Конечно же, им запретили смотреть на Эмми. По одной простой причине – смотреть было не на что... практически не на что. Это касалось ее лица. Ротвейлер постарался на славу. Им только сказали, что у нее нет правой руки. До локтя. А на левой нет ладони. Еще им сказали, что ее лицо... ну, в общем, у нее больше нет лица как такового...

... Это было ужасно. Эмми смотрела на свою мать из сумерек потолка. Было видно только ее лицо, но и этого Кэти хватило с головой, чтобы застыть в объятиях ужаса и отдаться ему без остатка.

Эмми была такой, какой *стала* после смерти.

- *Поторопись мама!* – рыдала Эмми. Только слезы ее текли не из глаз, а из дыр, что еще пять дней назад были красивыми голубыми глазами. – *Поторопись же!* – кричали разодранные на куски губы.

Кэти вскочила с кровати и...

... Дэвид снял револьвер с предохранителя. Он уже был на пороге дома Патрика и Кэролайн. Попробовал дверь - заперто.

Сзади он услышал крик своей жены:

- Боже, Дэвид, что ты делаешь?!

Он обернулся. Кэти бежала к нему по аккуратно подстриженному газону. Она не потрудилась даже накинуть халат – была в одном нижнем белье.

- Что ты собираешься сделать?! – кричала она, приближаясь.

Она сошла с ума, подумал Дэвид. Потом он услышал свой внутренний голос:

Нет, друг, уж кто и сошел с ума, так это именно ты. Извини.

Перед самым порогом Кэти упала на колени, больно ударилась локтем.

В доме Патрика и Кэролайн вспыхнул свет.

- Я помогу тебе подняться, - сказал Дэвид, наклоняясь к Кэти. Одной рукой он взял ее под руку, другая же рука продолжала сжимать рукоятку револьвера.

- Я видела Эмми, - рыдала Кэти. – Боже, я ее *видела*, понимаешь?

Ты совсем спятил! Разве не видишь, что твоя жена больна! А ты что, решил убийцу поиграть? Идиот! Спрячь свой пистолет и отведи ее в дом, вызови скорую помощь! Тебе надо о ней заботиться! Эмми уже ничто не вернет. Ты слышишь меня? Ничто!

- Успокойся, дорогая. Все хорошо, - он засунул пистолет за пояс брюк, прикрыл его рубашкой. – Я помогу тебе дойти до дома.

В этот момент на улицу вышел Патрик. В руке он держал бейсбольную биту.

- Что здесь происходит, а? Час ночи!

Дэвид посмотрел на него. В глазах у него застыли слезы.

- Просто моей жене плохо. Она никак не может смириться с утратой... - и он заплакал.

Патрик опустил биту. Теперь он понял, *что здесь происходит*.

- Конечно... и вы извините, - его голос дрожал, хотя плакать Патрик не собирался. – Я могу чем-то помочь?

Дэвид хотел сказать, чтобы тот застрелил своего пса, но он знал, что Патрик уже давно сделал это.

- Нет, - сказал Дэвид, прижимая к себе Кэти. – Мы просто пойдем домой. Вот и все.

«вот и все», повторил про себя Патрик последние слова Дэвида. Ему стало грустно. Ему никогда не понять, что *на самом деле* испытывают Дэвид и Кэти. И пусть лучше он никогда не сможет этого понять...

Пусть никто не сможет понять этого. Никто и никогда.

Дверь закрылась. Патрик вошел в свой дом.

12 августа 2007г.